

История первая

ПРИЧИНЫ ВСЕХ ВОЙН

Изящная дамская ручка в тонкой черной перчатке подтолкнула по полированной поверхности обширного стола плотно сбитую пачку ассигнаций.

— Не извольте сомневаться, сударыня, — толстые пальцы (на одном блеснул перстень, довольно крупный черный самородок) ловко сгребли деньги. — Приглашение на бал по случаю тезоименитства... Именное. Только вот канцелярист нерадивый имя-то вписать и забыл. Вы уж не взыщите — молодость есть молодость...

— Понимаю, — грудной голос дамы был под стать ее богатой одежде — волнующий и мягкий. — О чем только не думаешь, пока молод... Мой секретарь с легкостью исправит ошибки вашего канцеляриста. Благодарю.

Поправив чуть приподнявшуюся густую вуаль, дама встала и прошествовала к двери. Тучный хозяин кабинета вздохнул: удивительная женщина, потрясающе таинственная... К тому же, вероятно, и влиятельна. Верно, связи имеет в кругах, близких к самому государю. Или к старцу. Хотя... обычно протеже Распутина выглядят иначе.

— Всего хорошего, ваше превосходительство, — раздались от порога.

— Всегда готов к услугам, ваше...

Но гостья уже захлопнула дверь, и кабинет опустел — лишь витал в воздухе неповторимый аромат духов незнакомки, чуть терпкий и удивительно свежий. Хозяин же кабинета, забывшись, размышлял о вещах, несовместимых ни с мундиром, ни даже со стенами этого серого здания, смотрящего на Первую линию и Неву.

Придя в себя, он опустился в кресло. «Но кто же все-таки эта удивительная дама? И голос... Боже милосердный, что за голос... Услышать его в полумраке спальни — и больше нечего уж и желать. Да что это я? Не по чину, поди, рот-то разинул...»

Толстые пальцы сжали рукоять колокольчика.

— На сегодня прием окончен, — сообщил он тотчас вошедшему адъютанту.

— Будет исполнено, — адъютант поклонился. Приемная уже и так была пуста — не придется объясняться ни с плачущими вдовами, ни с овдовевшими прапорщиками, ни с интендантами, внезапно нашедшими прорехи в накладных, как было третьего дня, когда к его превосходительству явились господа в серых вицмундирах и стали расспрашивать о мелком чине из Генерального штаба. Как бишь его... Теплов... Треплов... «О, Тернов! — мысленно хлопнул себя по лбу адъютант. — Моль-Тернов, как же-с... вылетело из головы». А все она, незнакомка под вуалью. От духов ее до сих пор голова сладко кружилась...

— И еще, голубчик... — изволили его превосходительство. — Не в службу, а в дружбу. Кто рекомендательное письмо подписал для дамы, что вышла от меня? Напомни.

Адъютант изумился. Чтобы его превосходительство такие вещи забывал — не случалось подобного раньше. Тем более что и письма-то никакого не было. Лишь коротенькая записочка со всего-то двумя словами: «Принять незамедли-

тельно!» И подпись, украшенная завитушками столь обильно, что и буквы-то различались с трудом.

«Эх, и эту фамилию запомнил я... Что ж такое с головой-то творится?»

Решив, что не будет ничего дурного в крошечной лжи, адъютант опустил глаза, а потом многозначительно поднял их к потолку, щедро украшенному лепниной.

— От него самого?! Или того, постарше? — хозяин кабинета разве что за сердце не схватился.

Адъютант молча кивнул — дескать да, «постарше». Хорошо, что дама еще в приемной записку из его пальцев вынула и в ридикюль спрятала. А уж кого имел в виду его превосходительство — пусть на его совести остается. Ведь он, адъютант, не сказал ни слова.

Хотя рекомендательные письма, конечно, следует регистрировать... «Однако же не все, — мысленно усмехнулся адъютант. — Не все...»

Иногда, и это, увы, правда, адъютант именно за отсутствие записи в огромной книге посетителей деньги от господина генерала получал. Особенно в тех случаях, когда к его превосходительству на прием являлись *особые* посетительницы. Да и как их прикажете записывать? «Мещанка П. из дома на Фонтанке»? Или «купчиха Ф. с Большой Съезжинской, вдова»? Этой вдове-то едва двадцать исполнилось, помнится...

— Ну да Бог с ним, друг мой, — легко махнул рукой хозяин кабинета. — День сегодня выдался непростой, пора и по домам...

Адъютант, штабс-капитан Глебов, молча поклонился и пошел к двери. Вскоре, он это знал, к парадному подъезду подкатит экипаж и генерал тяжело взберется по двум решетчатым ступенькам. А после, как экипаж повернет с набережной на Першпект, можно будет и ему, Глебову, домой собираться.

Стараниями генерала — хотя, вероятно, его превосходить это вовсе и не желал, — адъютант мог позволить себе снимать неплохую квартиру в доходном доме в самом центре столицы. Его соседями были люди с именем, род которых терялся в седой старине. И тут он — выскочка, столичный житель без году неделя, всех заслуг — разве что награды за Балканскую кампанию.

— Однако же, судари мои, — пробормотал штабс-капитан Глебов, — не одними медалями можно гордиться в этой жизни. А вот место доходное... да благоволение самого генерала — да, это многого стоит.

Хотя, по совести-то говоря, генерал ему самой жизнью обязан. Разве мало в ту же кампанию было поручиков? А заслонить от пули высокопоставленного офицера не каждый бросался. Глебов же, тогда еще желторотый поручик, только что получил новенькие погоны.

«Да Бог с ним, с прошлым, — штабс-капитан натянул шинель. — Сегодня все хорошо... В мире царит спокойствие. Относительное, конечно. А ежели где и воюют, так это уж не в наших пенатах. Даже япошки что-то попри молкли. Видать, на слово царя Николая Александровича надеются...»

Адъютант вышел на набережную. После кабинета ему показалось, что на улице промозгло. Но уже через несколько минут, когда утих прохладный ветерок с Невы, затерявшийся в двухсотлетнем лабиринте улиц Санкт-Петербурга штабс-капитан Глебов почувствовал, что согрелся. Май в этом году выдался непростым. Вон завтра Никола Летний — вскоре уже лето запоет, позовет в Стрельню или Царское Село, а он все даже за город погулять никак не выберется...

Внезапно что-то обеспокоило штабс-капитана. Запах... Тот самый, удивительный, ни на что не похожий аромат духов неизвестной просительницы. Должно быть, она про-

ходила тут не так давно... Необыкновенная дама! Как таинственна, как притягательна...

И пусть штабс-капитан Глебов не видел лица просительницы, но шарм, голос и этот колдовской запах дорисовали картину необыкновенной красоты.

А рекомая дама и впрямь проходила здесь буквально несколько минут назад. Если бы Глебов не остановился полюбоваться серо-голубыми морщинками Невы, он бы непременно столкнулся с незнакомкой здесь, у входа в известную всему Санкт-Петербургу шляпную мастерскую.

* * *

— ... и непременно к завтрашнему утру!

— Но, сударыня, сие просто невозможно! Одних перьев сколько понадобится, да тесьмы, да брошей...

— Друг мой, если я говорю «надо», то это значит «надо», — с подчеркнутой важностью произнесла дама. — Уж поверьте, любые расходы будут ничтожны по сравнению с моей благодарностью...

— Будет сделано, сударыня, — поклонился приказчик, тихо вздохнув. Предстояли нешуточные хлопоты. Но заказчица была не из простых. Неведомо, из каких верхов спустилась на Першпект незнакомка под вуалью. А уж вкус какой продемонстрировала...

«Должно быть, птица самого высокого полета. Не зря же вуаль такую густую надела. Да и торопится, поди, не просто так. Сказывают, прием по случаю тезоименитства вскоре... Ох, непростая дама-то».

И приказчик, послунив химический карандаш, вписал в амбарную книгу несколько строк.

— Уж сам ее заказом займусь. Поди, не прогадаю.

Тем временем дама в шляпке с густой вуалью уже пересекла Невский проспект и с довольной улыбкой вошла